

The background of the entire page is a repeating pattern of stylized red roses with black outlines and green leaves on black, curving branches. The roses are in various stages of bloom, from buds to fully open flowers.

Вера Кулигина

Приключения Мирошки

в загородном лагере и за его пределами...

16+

Вера Васильевна Кулигина

Приключения Мирошки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319660

SelfPub; 2020

Аннотация

Саркастическая повесть с элементами прозы для детей. Чередование взрослого и детского видения жизни. Не очень хозяйственная, но решительная мама пытается организовать отдых для собственного ребенка, совместив его с работой для себя. Получается не очень удачно. Обе героини сталкиваются с житейскими трудностями, с которыми не хочется мириться. Особенно маме. И мама... устраивает «бунт на корабле» с побегом. В итоге они лишаются отдыха на природе, но находят нечто большее – понимание, что в жизни важно. Повесть, наполненная философией, глубокими переживаниями и размышлениями. Что было и что есть. И что могло бы быть. Читиво будет полезно для женщин, неуверенных в себе. Для матерей, которые мучаются вопросом «Яжмать?», внутренними терзаниями «Акакуменявдетстве» и прочими травмирующими ситуациями прошлого и настоящего. Экспрессивный эмоциональный текст без лишних слов.

История первая. БОЛЬШАЯ НАЧАЛЬНИЦА

– Мирошка, меня назначили начальником автобуса! – хвастаюсь я дочери и показываю язык.

Понимаю, что я большая тётенька, и это не принято и странно в моём возрасте, но ничего поделать не могу – дурная привычка.

– И что ты будешь делать? – интересуется Мирошка, – Автобус поведёшь?

Я смеюсь от души и поясняю, что «важная работа начальника» – это всего-навсего, сверять списки детей, которые будут садиться в автобус. Я забыла сказать: мы едем в загородный лагерь. Я – работать, дочь – отдыхать. Возможно, – наоборот. Это было бы здорово!

Обе настроены решительно. Решительно – надышаться воздухом, решительно пропитаться воздухом и решительно проникнуться воздухом. Просто, у нас с ним в городе не очень всё хорошо. С воздухом. Он в городе не такой сладкий и не такой пьянящий. Хотя, про пьянящий, – это я погорячилась писать, я же для детей решила сочинять истории. Решить решила, а там – как получится.

К месту сбора прибываем вовремя. У нас личное такси. Тётя Оля прикатила прямиком из Германии, в аккурат к нашей поездке отпуск выкроила. Она нас и привезла. На своей машине.

Так вот. Приехали. Почти не волнуемся.

– Мирошка, подожди здесь, – даю указания.

Сама выхожу из машины и растерянно озираюсь. Торговый центр и машины, машины, машины. Толпы родителей нигде не замечаю. Почему-то. Вот теперь самое время волноваться! Аааааа! Где люди???

– Мама, я с тобой, – пищит из машины взволнованная Мирошка.

Ну ладно, хватаю за руку дочку и мы начинаем совместные поиски. Оббегаем по периметру предполагаемого места отправления. Ах, вот же люди – за углом затаились! Вздыхаем с облегчением. Обе. Мирошка скачет от радости и спрашивает:

– А где автобусы?

– Скоро будут, – бурчу я. Волноваться повторно мне не хочется. Людей нашли – и славно. Автобусы – приложатся.

– А где твои списки, – не понимает дочь.

Наверное, ей хочется посмотреть на маму-начальницу, орудующую карандашом как дирижерской палочкой.

– Щас найдем, – говорю я нерешительно и снова отправляюсь на поиски.

Нахожу. Списки прикреплены к стене. Прямо к торговому центру. Быстро пробегаю строчки глазами. Мирошку нахожу, себя – нет. Не паникую. Почти. Размышляю – где ещё искать свое незабвенное имя – в каких бумагах, пергаментах?

– Дорогая, давай поищем других «начальников автобусов», может, списки взрослых у них? – пытаюсь я догово-

риться с Мирошкой и заодно ободрить себя.

Но её уже ничего не интересует – она только что нашла своих подружек – то ли со двора, то ли из школы – присоединилась к ним и от радости трещит беспрестанно. Слава Богу, ребёнок занят! А меня продолжают тяготить собственные должностные обязанности – терзаюсь совестью, как же их исполнить?

Ура! Камень – с души. Вижу тётенок с бумажками в руках. Они уж точно знают – что, куда и как! Приближаюсь к ним стремительно. Так и есть! Здесь принимают документы от родителей, здесь же и мой список. У этих самых тётенок. Радостно получаю бумаги в руки... Где ручка? Шарю по карманам – не взяла. Чем отмечать?

– Давайте я Вам презентую, – торжественно заявляет чей-то папа. Он, видимо, уже заждался «главного списочного контролера» и очень хочет отметить своего мальчика.

– С удовольствием, – расплываюсь я в улыбке и прихватываю чужую шариковую ручку.

Тётя Оля всё это время задумчиво бродит поблизости. Мы, кстати, не виделись с ней полгода. С тех пор, как она укатила в эту свою Германию. А тут приехала – а мы от неё. Совпало. Так и бегаем друг от друга. Но что поделаешь – такова се я ви. Но я не хочу думать о грустном, поэтому переключаюсь на списки.

Заношу чужую шариковую ручку над бумагами и торжественно начинаю ставить кресты рядом с фамилиями.

– Си...как? Сивокозов, – пробегаюсь вниз страницы, – Ой, не по алфавиту, долго искать придётся, извините.

Но никто не торопится. Автобусов всё ещё нет. Нет, не хочу ставить кресты – лучше галки. Приятнее звучит как-то. Решено – ставлю галки!

– Маклаков Алексей! Есть! Наклейщиков Михаил! О, знакомая фамилия! Привет, Михаил! – здороваюсь со знакомым подростком.

– Здравствуйте, – смущается он. А я успеваю подумать – всё-таки, маленький у нас город.

– Ой, Мирошка, а меня в списках нету! – удивляюсь я и тут же осекаюсь. Глупость сморозила. Зачем сеять панику? С моей то беспокойной девочкой, которая чуть что – сразу скандал. Но поздно...

– Как нет?! – вздрагивает она и в ту же секунду забывает о подругах.

– Наверное, я в каком-нибудь другом списке, – пытаюсь исправить ситуацию. Но тщетно...

Дочь, забыв о том, что только что веселилась во всё горло, хватает меня за ногу и изо всех сил прижимается. Мордашка суксилась – вот-вот захнычет.

– Я без тебя не поедууууууу! Я с тобой хочуууууууу!!!! Уууу!

Так. Я беру себя в руки. И вспоминаю приметы. Я же их специально подмечала, от самой нашей квартиры. Так боялась, что что-нибудь не так пойдёт! С утра у подъезда самого

первого, кого встретила... Кто был? Мужчина! Значит, всё должно сложиться «Ок». Приехали без помех и задержек, вовремя – тоже все «Ок». Ничего не забыли – следовательно, поездка должна состояться наилучшим образом! Приметы – не врут. А мелочи жизни – в сторону!

– Пошли спрашивать у тётенок, куда мать потерялась! – говорю я и решительно направляюсь к самой строгой тётеньке с самой большой стопкой бумаг.

– Скажите, пожалуйста, а почему меня нет списке?

– Вы в другом – со взрослыми, – заверяет меня тётенька (Ага, так я и думала!). Эта тётенька – явно начальник. Только другой – не по спискам, как я, а самый большой. Что-то внутри меня подсказывает, что это именно она.. Но это не важно – мне важно, чтобы психика дочери не пострадала. И я продолжаю допытываться до истины.

– А как узнать – мы едем в разных автобусах или в одном?

– Автобусные списки у водителя, – строго докладывает женщина, показывая всем видом, что разговор окончен.

Но мне этого мало, и я отправляюсь на поиски ещё одной бумаги. Они так интересно распространились на плацу – эти списки. По всему периметру.

А между тем, всюду люди в ярких одеждах. Лето же. А у меня пестрит. Ориентируюсь на белое. На белые листы в чьих-нибудь руках. Нахожу! Читаю. И тут выясняется, что едем мы В РАЗНЫХ автобусах! Приходит моя очередь паниковать! А Мирошка включает сирену и ещё больше впи-

вається в мою ногу. Из последних надежд, собрав волю в кулак, я снова бросаюсь к главной тётеньке (теперь я уже знаю, что она главная – спросила по пути, и я очень на неё рассчитываю).

– Послушайте, а можно нам в один автобус с ребёнком? – пытаюсь договориться я и привожу ещё несколько доводов и аргументов, – Она маленькая ещё, боится, скандалить будет.

Тётенька открывает рот и говорит грозно:

– Что Вы со мной спорите?! Все поедут так, как распределены.

И я теряю дар речи. Она ещё что-то добавляет про списки для ГАИ, а я понимаю, что истерики не избежать. Но не понимаю, почему распределили именно так?

Не понимаю... Потому что: мужик же у подъезда!!!! Приметы. Всё же складывалось как нельзя лучше... И вообще, мой педагогический опыт подсказывает – детей не принято отделять от родителей... И вообще, гибкость в педагогике... Чтобы всем лучше...

Оно и сложилось потом так, как нельзя лучше. Мы ехали в одном автобусе и по списку. А главной тётеньке всего лишь нужно было успокоить взволнованную мамашу, а не раздуть в моей душе лишнюю панику. Так всё просто... Основы конфликтологии.

Всю дорогу я размышляю о таланте – быть руководителем. Начальником. А ещё...ищу новые приметы, которые укажут, что наш отдых сложится так, как хотелось бы – удач-

но. И всю дорогу прогоняю мрачные мысли. А Мирошка, моя милая Мирошка – чхать хотела на приметы – она балдеет у окна, нетерпеливо ерзает попой и без конца переспрашивает:

– Долго ещё? Долго ещё? Ну, когда же уже?

Мама – рядом. Ребёнок счастлив.

История промежуточная. ПРИБЫТИЕ

Минут тридцать – и мы на месте! Надо же, как близко! Даже неожиданно. Выкатываемся из автобусов. Прямо на обочину вытягиваем свои сумки, рюкзаки и пакеты из багажника. Волочимся по травяной просеке. Почему-то сворачиваем не к вывеске «Добро пожаловать». А минуем её и обходим окольными тропами. Для нас – особые подходы. Встречают вежливые и улыбчивые вожатые, предлагают помощь – приятно. Моё сердце ликует, и нехорошие предчувствия отступают.

Ворота. Охрана. Еще какое-то расстояние до низенького заборчика с калиткой на гвоздике. Миновали и это препятствие. Прибыли.

Всюду красота неопиcуемая. Не то девственная, не то первозданная. Зелень поглотила пространство. Успокаиваюсь – мне здесь нравится. Душе нравится. Чувствую единение с природой, настраиваю свои антенки на местную волну. Счастлива!

Музыка. Детская какая-то. Тру-ля-ля. Детский лагерь же. В центре поляны с микрофоном суетится девушка. Ребята распределяют по отрядам. Быстро и умело. Чик-чик. Вот и Мирошка поскакала в стайке с остальной малышней за воспиталкой. Присматриваюсь – интересно, а что ждёт меня в этом прекрасном раю?

– Вы можете выбирать комнату, – проводят меня по корпусу.

Но выбрать оказывается уже нечего. Открыта только одна комната. На двери навесной замок. Ключ у завхоза. Нужно сходить подобрать.

Моя комната! Моя собственная на целых три недели! А в ней три кровати, две тумбочки, шкаф, пяток гвоздей на стенах. Штор нет, зато есть карниз – стоит сиротливо в углу, прислонился к косяку. Говорят, можно попросить прибить, но я не буду – зачем беспокоить людей лишней вознёй? Второй этаж, кусты напротив окон – переживу.

Располагаюсь. Плюхаюсь на одну из кроватей – где матрас попривлекательнее. Моя комната и я в ней одна! Это чудесно! Неожиданно чудесно. Значит, я смогу читать, слушать музыку и сочинять истории про Мирошку.

История вторая. КРОВАТЬ

(Пишет мама, Мирошка просто отдыхает)

Мирошка захныкала ещё больше. Прямо в одежде уселась

на кровать и устроила настоящий вой.

– Кааааааак я без кровати будуууу??!! Я не хочу с тобой жить, у тебя скушноооооооо!!! Я в отряде хочуууууу!!

– Ну, милая, ты же сама хотела с мамой, ещё в автобусе, – недоумеваю я и начинаю просчитывать все ходы. Где добыть кровать? Куда её пристроить в отряде? И стоит ли вообще добывать? И как вообще такое может быть, чтобы детей взяли, а кроватей не хватает?! Нас взяли лишними?

На ум приходит женщина, я мысленно назвала её «Что это за жизнь такая?». Она обозначилась ещё в автобусе. За полчаса поездки она повторила эту фразу пяток раз – я и запомнила. Как человек бывалый, она всем новеньким раздавала советы, а когда не слушались, поругивала. Каждого. За спиной. Хи. Она бы, наверное, придумала выход. Но со мной говорила другая – при исполнении – очень ответственная, но несколько не решительная. А что она может решить?! Она помнила только одно:

– СЭС! Не положено по СанПиnam! Свободных мест для кроватей нет! Комнаты укомплектованы. Пусть ребёнок живёт в вашей комнате. А днём будет в отряде с ребятами.

– Ну да, – соглашаюсь и смотрю умоляюще на дочь.

– Не хочууууу, – завывает она снова.

И я снова пытаюсь успокоить своего ребёнка. И снова безуспешно.

– Аааа... Зачем мы сюда вообще приехали! Я к ребятам хочу!!! Ты опять работать будешь всё время, а мне с тобой

скушнаааааааа!!

Тем временем, мимо проходят мужчины – кажется вожа-
тые – и чего-то несут. Кровать! Я бросаюсь по детским ком-
натам в поисках свободного места. Его и на самом деле нет.
По сути. И у меня опускаются руки.

– Аааа, поехали домой, – вспоминаю я визги Мирошки
и с новыми силами берусь за поиски угла «полтора на пять-
десят». По СанПинам. Включаю конструкторское воображе-
ние и мысленно впиливаю кровать то в один угол, то в дру-
гой. Между делом спрашиваю у мужчин (они идут обратно)
– есть ли кровати ещё?

Меня заверяют, что кроватей принесут, сколько положено
– не положишь же детей на пол. В самом деле! И я набира-
юсь решительности. Раз у начальниц этой решительности не
достаёт.

– А можно нам вот сюда кровать поставить? – и показы-
ваю комнату, где, как мне кажется, места побольше, чем в
остальных.

У вот уже конструкторские способности подключают
мужчины и прикидывают – вдоль или поперёк? К стене по-
ставить или к окну? К обогревателю – нельзя. За шкафом
мало место. А если передвинуть шкаф или развернуть вот
эти две кровати?

И вот, совместными усилиями, наша кровать стоит на сво-
ём новом месте. Всего их теперь в комнате четыре. Прохо-
ды становятся невероятно узкими – едва-едва протиснуться,

чтобы просунуть покрывало. Интересно, что скажут женщины-руководители о моей решительности? Не хочу об этом думать. Не хочу думать, что моего ребёнка взяли лишним в отряд.

А тем временем Мирошка демонстрирует абсолютное счастье! Прыгает до потолка и рассовывает вещи по шкафам и тумбочкам. Мимо по очереди пробегают обе тётеньки – «Что это за жизнь такая» и та, что про СЭС. Вижу, что обе видят новопристроенную кровать. Замираю – как отреагируют?

Никак. Побежали дальше. Понимаю, что всё видели и всё поняли. Но видимо, мысленно не возражали. А, может, некогда – достала я их. Успокаиваюсь, целую Мирошку и тоже убегаю, по своим делам. Здесь все только бегают. Поэтому, – следую традиции.

От корпуса Мирошки до моего – узкая тропинка из плит. Кусочек цивилизации. А вокруг... бесконечные зелёные ковры! Где-то скошенные, где-то упираются в лес, а где-то граничат с домиками «МЖ». Красотища! Ставь кровать прямо на поляне и спи! Больше ничего не надо. Только поесть и помыться.

А через три дня. Ко мне подходит другая тётенька. Третья. Она вылавливает меня где-то между столовой и административным зданием. Где у меня как раз кружок, который я приехала вести для детей. Стайка детишек бежит следом за мной. У нас задание, мы заняты, увлечены делом. И тут Она.

– Отойдёмте в сторонку! – говорит она мне.

Я останавливаюсь в нерешительности – куда девать увлечённых детей? Они настроены на творчество. Отпусти их на минутку из поля зрения – всё, творчество как ни бывало. Улетучится. Но вопрос решают без меня – ребят отгоняют в сторону, чтобы не слушали. И начинается допрос с пристрастием. А я и не готова к такому повороту. Я уже позабыла.

– Что вы себе позволяете? Где вы взяли кровать?

– Мужчины принесли, – отвечаю рассеянно.

– Почему Вы не спросили меня? Здесь всё решается через начальника.

Действительно, почему я не спросила её? Мне всегда интересно поразмышлять, когда говорят: «Почему вы не спросили, если не знаете?» А я всегда думаю: «А как я буду спрашивать то, чего я не знаю, что я должна спрашивать?» Мне даже в голову не пришло спрашивать разрешения у того, кого я не вижу, не слышу и не знаю.

– Вы, я смотрю, себе на уме! Приехали, навели свои порядки, – гневно продолжает тётенька.

– Почему я навела порядки? Кровати носили и другим ребятам, я всего лишь попросила и для своей дочери – она же не может быть без кровати!

Но дальше следуют повторы. Классические. Бессмысленные.

– Почему вы не спросили? Где вы её взяли (кровать – имеется ввиду)? Кто вам разрешил?

Я повторяю всё снова и снова – принесли мужчины, откуда – не знаю, про разрешил – молчу. А краем глаза замечаю – дети устали ждать и высовываются из-за угла. В глазах остатки творчества. Мы собирались записывать интервью. Сейчас.. ещё несколько минут, и они уже ничего собираться не будут.

Некоторые осмелели и подкрадываются к нам поближе. Послушать, поглазеть. А мы уже не стесняемся и говорим в полный голос. Я выхожу из себя – меня уже в третий раз спрашивают – как я посмела? И я в третий говорю одно и тоже: ребёнку с мамой грустно, ребёнку нужны дети! Потом не выдерживаю и спрашиваю самое логичное в этой ситуации:

– Вы зачем тогда набираете столько детей, если селить нигде?

Внятного ответа не получаю. Но замечаю тётеньку, которая про СЭС (она возникает на горизонте, по своим делам) и зову её к нам. Но её вопрос ещё больше ставят меня в тупик.

– А вы знаете, что ваша дочь срывает тихий час? Инна Леонидовна (Это женщина «Что это за жизнь такая» – она у дочери, оказывается, воспиталка) жалуется?!

Я не успеваю переключиться от темы кровати на тему поведения дочери, но прекрасно понимаю, что господа взрослые смешивают котлеты с мухами. Говорю:

– Но это же совсем другой вопрос! – и слышу нечто удивительное!

– Как это, другой?! А вот если бы она была с Вами, она

бы никому не мешала спать!

Я медленно перевариваю информацию и с негодованием задаю встречный:

– Скажите, вы всем родителям предлагаете забрать своего ребёнка на тихий час?

– Нет, Вы же здесь одна!

Ну да, конечно, я здесь одна – мамаша с ребёнком. Почти. И я задаю классический вопрос, от которого самой становится стыдно и тошно. Вопрос отчаявшейся мамашки.

– И что, моя – единственная всем мешает?

– Даааа! – это уже присоединилась женщина «Что это за жизнь такая».

Откуда она взялась? Когда подошла? Я не заметила. И вот уже их трое – воинственно настроенных дам против меня, моей кровати и моей дочери. И в этот момент я окончательно теряю терпение.

– Скажите, что мне нужно сделать? Унести кровать? Уехать из лагеря?

– Не, что вы, – спохватывается та, что про СЭС, – Уезжать никуда не нужно. А кровать вынесут мужчины.

И, кажется, конфликт исчерпан. И я вздыхаю, наконец, с облегчением, намереваясь отправиться к заждавшимся детям. Они всё ещё торчат за углом, но готовы вот-вот разбредиться в разные стороны. Но Первая задаёт своё коронное:

– Так, где вы взяли кровать?

А вокруг царит вселенская красота. И ей плевать на нашу человеческую возню. У неё разгар лета. Травы прибавляют в росте, земля готовится отпустить дневную влагу. Ветер колышет наши одежды и треплет волосы, а мы занимаемся какими-то чуждыми душе делами, мы не замечаем ничего вокруг, не чувствуем ветра... И я снова мысленно ставлю кровать посреди поляны. И мы с Мирошкой счастливы на этой самой кровати. И мы никому не мешаем. Ни СЭСу, ни «Что это за жизнь такая», никому...

История третья. СЭС И МЭР

– Бедненько, – говорит мэр для своих (свои обступили плотным кругом и всюду следуют по пятам), а для телевидения парирует:

– Самое главное – это радостные дети. Они здесь не просто отдыхают, но и с пользой проводят время. Здесь очень насыщенные интересные программы. Ребята развиваются не только физически, они смогут не растерять те знания, которые получили в период обучения, и приобрести новые. Думаю, наша задача – сделать всё необходимое для развития лагеря.

Он приехал на открытие лагеря. Наспех пробежался по территории и очутился на моём занятии. Блин, не ожидала!

Но приятно! Улыбаюсь изо всех сил. Жаль, быстро уходит, а то я надеялась блеснуть умом и неординарным подходом в работе с детьми. Но как только я объявляю: «Давайте послушаем сказку. Три минуты», – он вежливо откланивается и покидает помещение. Не любит, видать, сказки. А рассмотрение государственных законов, про бюджет и пенсию я не приготовила, увы.

Оператор, журналистка, начальница лагеря (я узнала её), старший воспитатель (нерешительная женщина, страшась СЭС – теперь тоже знаю, кто она такая) и ещё кучка каких-то неизвестных мне людей семят следом (последователи, видимо).

Интересно, что он имеет ввиду про «знания, которые не смогут растерять...» дети? Заодно дивуюсь детскому счастью, ребята успели поделиться:

– Нам здесь очень нравится, очень интересно. Мы ходим на дискотеки, участвуем в конкурсах, учимся делать оригами. Домой не хочется, здесь весело.

Дискотеки, конкурсы, оригами – видимо, и есть те самые места, где отлавливаются знания, на случай, если они потерялись, и возвращаются детям обратно. Представила себе гигантский сачок, в сетях которого застревают непонятной формы ЗНАНИЯ. В виде мух, полосатых ос и прочих неведомых науке насекомых). Застревают в сетях и возвращаются в детские головы. Как? Элементарно! Открываешь черепную коробку и... складываешь. Поштучно. Или горкой ссы-

паешь.

После мэра иду по нужде к знаменитым домикам «Мэ-Жо» – перенервничала всё-таки – и рядом с уличными умывальниками обнаруживаю бумажные полотенца! ООо! Верёвочкой привязанные к трубам! Ааа! С наслаждением отрываю кусочек и вытираю руки. Спасибо мэру – подарил немножко цивилизации.

На этом памятный день общения с высоким начальством заканчивается. Лагерь продолжает своё невозмутимое существование. Других великих и памятных происшествий не случается.

А на другой день утром в туалете обнаруживается... туалетная бумага! Невероятно! А в столовой – и того неожиданней...

– Мама, смотри, сколько хлеба! Разного. Беленький, с семечками и серенький! А вчера не было. И позавчера, – это радуется Мирошка. Она обожает маленькие льняные зёрнышки в белой мякине.

На этот раз в гостях СЭС. Та самая, из-за которой «кроватная возня». Сегодня все ходят как шёлковые. Главное – поменьше лишних движений. Накануне начальник смены грозился вычетами из зарплаты, если что не так. К слову, у педагогов ставка 4100 руб. А если вычеты – то сколько? Все послушали и посмеялись.

– Я не шучу, – закончил подготовительное собрание на-

чальник смены. И всё прекратили смеяться.

Заходим в столовую. О! Как преобразились дежурные! Прямо, франты – колпаки, прибранные волосы, фартуки. Сколько стараний для строгой комиссии. В количестве два человека.

Приступаем к еде. Обед – великолепен! На столах «негласный бой» за хлеб с зёрнышками. Я и сама его очень люблю – добываю целых три куска! Спасибо СЭСу за несказанное удовольствие!

СЭСу – проверка, а мне – мытьё. После обеда вылавливаю Мирошку и пытаюсь её где-нибудь помыть. Везде отказывают. А что, если СЭС увидит, начнёт спрашивать – как обрабатываете помещение после мытья, где режим мытья и т.д.? Нет худа без добра – откушал зернового хлеба, изволь терпеть лишения в чём-то другом. Ладно, прорвемся к тепловой воде после СЭС – она ж в лагере не навсегда – решаю я и отправляю дочь на тихий час.

А к вечеру кровати переезжают обратно на свои места (помимо нашей, нашлись, оказывается, ещё парочка лишних). Значит, проверка прошла успешно. Туалетная бумага быстро заканчивается, а зернового хлеба больше не подают. А Мэр? Полагаю, проверяет ещё что-нибудь и где-нибудь ещё. А мытьё? Хм... ой, не спрашивайте... О нём расскажу позже. Это будет особенное приключение этим летом в этом лагере.

P.S. Рассказ коротковат, но и СЭС с Мэром тоже долго не задерживались...

А вечером начинается дождь. Он припускает с ходу, без предупреждения. Он тороплив и беспощаден. Он стучит по листам лопухов, словно желает пробить в них дыру. Он мочит чьи-то носки, кофты, куртки, забытые на верёвках-растяжках у самого последнего корпуса. Он набрасывается на бумажные полотенца, привязные верёвочками к уличным умывальникам. И мочит, мочит, мочит. До самого утра. Наверное, он смывает следы гостей.

Пусть он их смоеет. Начисто, без остатка, без малейшего намёка. Когда-нибудь он смоеет и наши следы. Когда-нибудь, в конце смены. А бумажные полотенца жалко. Безнадёжно испорчены. Что-то подсказывает, что новых не повесят.

История четвёртая. САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СЮРПРИЗ

Надо же, умывальники из моего детства! Пять штук в ряд. Прямо на улице! С холодной водой! Я удовлетворённо закатываю глаза и отворачиваю кран. Точно, холодная! А вот и мыльце – в пластиковой баночке, это уже из современности. У нас в детстве были обмылочки.

Но обмылочки тоже отыскиваются. На ободке умывальника в туалете. Мама дорогая! Это я зашла в красный кир-

пичный домик с буквой «Ж», ожидая вышибающего запаха хлора, разнокалиберных дырок в деревянном полу и круглых щелей-глазков в стенах. Но – нет! Унитазы тоже из современности. Вполне себе приличные такие, тёмненькие, с крышечкой даже.

Обалдеть! Смывалка работает! Но вода то холодная! В кране! Смешение времён какое-то. Умиляюсь и наслаждаюсь.

А вечером решаю помыться по-настоящему. Кран с холодной водой из детства – это мило, но не гигиенично. И я отправляюсь на поиски горячей воды. Но в корпусе, около него, поблизости и даже у соседей ничего похожего на душ не обнаруживаю. Нигде! Абсолютно.

Мчусь к Мирошке – там женщина «Что за жизнь такая», которая всё про всё знает. Она на смене сторожила – она моя единственная надежда, подскажет! Прямо у входа натыкаюсь на дочь.

– Милая, вы где-нибудь мылись уже? – спрашиваю.

– Нет, – удивляется вопросу дочка и пожимает плечами, – А ты куда?

Я проношусь мимо неё и устремляюсь в «комнату воспиталок». «Что за жизнь такая» на мой вопрос – есть ли где-нибудь душ – удручающе вздыхает и тоже пожимает плечами.

– А как же дети? Девочки?! Без мытья целую смену! Три недели! – крою я, как мне кажется, самым мощным аргументом и сама ужасаюсь озвученной цифре – 21 день!

– А у них баня раз в неделю! – заверяет Инна Леонидовна и углубляется в свои дела, показав мне тем самым, что вопрос исчерпан.

Раз в семь дней! Мама дорогая! Да за семь дней у них всё... мохом порастёт! Испытывая лёгкий шок, я покидаю отряд и бреду к себе. Лагерь без душа, в котором более сотни детей и около двадцати человек персонала – это... это... это просто капец какой-то! И, главное, – и мэр и СЭС всё проверили! И никаких недочётов не обнаружили. Я понимаю, что я ничего не понимаю.

Говорят, испытывать негативные эмоции долгое время вредно. И я переключилась от размышлений – «Почему?» на думы – «Как?». А если добыть тазик и таскать пластиковой бутылкой воду из крана прямо в комнату? И я кошусь на бутылку – 0,2 литра, которую предусмотрительно захватила из дома... . Нда, много не натаскаешь! Генерирование идей продолжается.

Вспомнила! Я видела под лестницей ведро, им моют пол! Может, взять и попользоваться? Но это же не гигиенично! А если мыться рано-рано утром, прямо под краном на улице, пока все спят? И я представляю картину и... ужасаюсь. Белые ночи же!

В общем, немытая я была на грани. Я умела жить без хлеба, без колготок, без мяса, без интернета и общения, но только не без горячей воды! Это – я, а как же дети?! А дети – ничего, они даже не заметили разницы. Но яжмать, я обяза-

на помыть своего ребёнка!

Рано утром я, изгаляясь всяко разное, помыла под краном всё, до чего дотягивалась, и что не прикрыто одеждой, хоть и уныло побрела на завтрак. Значит, всё-таки, негигиеничные ведро или тазик из-под лестницы...

После обеда я набираюсь решительности и направляюсь к «Самой старшей тёте», которая с кроватями. Наверное, она – и с чистыми тазиками тоже, решаю я. И тут меня ожидает приятный сюрприз! Душ для персонала всё-таки есть! Ааааа! А я уж было ко мхам приготовилась... Но почему все молчат как Штирлицы? Всё нужно выведывать, как тайны за семью печатями...

В этот же день я тащу в душ для персонала и Мирошку, радуясь чистоте дочери и сочувствую остальным детишкам из её отряда. Увы, помыть всех – не в моей компетенции. Но сюрпризы с душем не заканчиваются.

На следующий день, по присущей мне рассеянности, я забываю в душе бельё. Постирала и забыла на спинке стула, что такого крамольного? Но руководство считает иначе.

Мама дорогая, сколько из-за этого было шуму! Уборщица пожаловалась директору, директор поймала меня и отчитала, а рядом с гвоздиком, где болтался ключ от душа, написали большими буквами и разместили объявление:

*«Уважаемые женщины, душ
посещают и мужчины тоже!»*

Убирайте за собой гигиенический мусор!»

Надо же, я всю жизнь думала, что это называется «трусики», а оказалось -«гигиенический мусор».

Позже выясняется, что в душ всегда много желающих. Ещё бы – весь пед.состав и кухня! Взрослые, что в первый раз были в этом лагере, как только прознавали про помывочную, сразу устремлялись туда. В каждую свободную минутку. А уж если дорвались – не торопились выходить наружу. В общем, посещение было нерегулярным и безрежимным, от этого частенько случались очереди и заторы. А дети, по-прежнему (за исключением Мирошки), оставались немывыми! Это к слову.

Ой, нет, вру! Ещё обнаружилась гигиеническая комната! У медика. Туда, оказывается, с первого дня бегал весь старший отряд. Девушки, в основном. Малыши – нет. Разве что (это я узнала от персонала. Совершенно случайно), если кто-нибудь из родителей звонил воспитателю и ругался – тогда группа детей (во главе с тем, чьи родители звонили) отправлялась в гигиеническую комнату. Только в этом случае мылись малыши. В общем, с мытьём всё было чрезвычайно запутано.

А я всё искала идеальное время для себя – чтоб ни с кем не пересекалась. И нашла! Семь утра. Сразу после пробежки. Какое счастье, когда никто не дышит укоризненно за дверью! Ааааа! Предамся наслаждению и окунусь с головой... Но не

тут то было...

Одним утром выхожу из душа и скромно наслаждаюсь собственной свежестью, а некая барышня с кухни кричит мне во след:

– Это Вы так **рано** моетесь?! Там же на двери написано – с восьми! А как же мы (это она про поваров и кухонных рабочих)? – акцентирует она на слове «рано».

Нет, она в этом смысле права – там действительно на дверях написан режим работы: с 8.00 до 23.00. Но, простите, какая разница, если душ свободен и греется круглосуточно?!

Очень хочется поогрызаться – слишком много нервотрёпки из-за какого-то там душа, и я бурчу себе под нос:

– Да иди ты уже в ж*, – и надеюсь, что никто меня не слышит. Потому что я вежливая и интеллигентная девушка. Но если я немытая..., то сама не своя.

Зато Мирошка теперь чистая! Каждый день.

А вечером я хватаю зубную щетку, чтобы бежать к любимым умывальникам. Открываю входную дверь корпуса и теряю дар речи.

– Красиво у нас, да?! – мимо проходит девушка, она убирает корпус. И она моя соседка.

А я стою и пялюсь. И не могу даже закрыть рот, я про него даже не помню. Я вижу что-то – что-то такое прекрасное! Настолько прекрасное, что не могу ничего ответить. Только киваю.

Прямо передо мной от земли поднимается густое белое облако. Воздушная подушка, взбитые сливки, ванильный зефир, сладкая вата... Оно поднимается, поднимается, поднимается... И «оно» такое густое, такое таинственное, такое мягкое и уютное... И его хочется потрогать руками, окунуть в него лицо, улечься сверху и – взметнуть! Взметнуть ввысь!

Да это же ковёр-самолёт! Самый настоящий! Белоснежный ковёр-самолет. Несколько секунд, и ковёр становится рыхлым и прозрачным. И по ниточке, по ниточке, по ниточке, расходится, разлетается, отделяется в разные стороны и направления, прочь от земли.

Чищу зубы и наблюдаю. Наблюдаю, наблюдаю. Как в последний раз. Даже не хочется бежать за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть это великолепие для потомков. Страшно пропустить даже миг. Хочется просто смотреть. Здесь и сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.